

Антюхов Ю. В.,
аспирант,
Орловский государственный университет им. И. С. Тургенева

Националистический аспект экстремизма в России второй половины XIX – начала XX вв. в свете современной историографии

Большое значение для понимания феномена экстремизма и терроризма играет националистический компонент, который в нашей стране проявляет себя вплоть до настоящего времени, что определяет актуальность данного исследования. Его новизна заключается в том, что анализ националистической составляющей экстремизма проводился в междисциплинарной области, на стыке истории, политологии и юриспруденции. Такой междисциплинарный подход позволил показать необоснованность попыток найти истоки русского национального экстремизма в философских концепциях, не имеющих четкой политической программы, таких как позднее славянофильство. Практический экстремизм русских крайних националистов не выступал преемником славянофильства, а был вызван правовым экстремизмом, проявившимся рядом националистических организаций на окраинах российской империи.

Ключевые слова: экстремизм, национализм, Н. Я. Данилевский, К. Н. Леонтьев, черносотенство, Дашнакцутюн, Бунд.

Antyuxov Yu. V.,
postgraduate student,
Orel State University named after I.S. Turgenev

The Nationalist aspect of extremism in Russia in the second half of the XIX - early XX centuries in the light of modern Historiography

Of great importance for understanding the phenomenon of extremism and terrorism is the nationalist component, which manifests itself in our country up to the present time, which determines the relevance of this study. Its novelty lies in the fact that the analysis of the nationalist component of extremism was carried out in the interdisciplinary field, at the intersection of history, political science and jurisprudence. Such an interdisciplinary approach made it possible to show the groundlessness of attempts to find the origins of Russian national extremism in philosophical concepts that do not have a clear political program, such as late Slavophilism. The practical extremism of Russian extreme nationalists did not act as a successor to Slavophilism, but was caused by legal extremism, manifested by a number of nationalist organizations on the outskirts of the Russian empire.

Keywords: extremism, nationalism, N. Ya. Danilevsky, K. N. Leontiev, Black Hundreds, Dashnaktsutyun, Bund.

Понятие экстремизма как исторического явления в нашей стране с момента появления его в общественном дискурсе имеет довольно широкую трактовку – это приверженность к крайним социальным средствам или взглядам, которые идут вразрез с социальными нормами общежития или подрывают устои государственного строя, ведут к его разрушению. Позиция и действия политических экстремистов нацелены против сложившегося в обществе порядка. Экстремисты и экстремистская деятельность направлена на разжигание межнациональных, межрелигиозных, межклассовых, региональных, экономических и других видов конфликтов, которые поляризуют общество, сталкивают одну его часть с другой, дестабилизируют его, разрушают значимые социальные связи. Поэтому в рамках исторических наук экстремизм зачастую связывают с политическим контекстом.

Для нашей страны на разных этапах ее существования вплоть до настоящего времени националистический компонент экстремизма являлся и является одним из ключевых. Однако в исторической научной литературе, посвященной анализу истоков экстремистской и террористической идеологии и деятельности, довольно мало внимания уделяется националистическому аспекту, который играл и играет вплоть до настоящего времени значительную роль в области мотивации экстремистской и террористической деятельности. Национализм как один из важнейших аспектов экстремизма опосредует деятельность экстремистов и террористов, толкает их на перманентное нарушение закона, на подрыв конституционных основ общества. Все вышесказанное обусловило актуальность данного исследования. Его новизна заключается в том, что анализ националистической составляющей экстремизма будет проводиться на пересечении истории, политологии и юриспруденции. Цель данного исследования – показать неоднозначность природы национального экстремизма и его взаимосвязь с правовым экстремизмом.

Россия исторически сложилась как полиэтничное государство. Однако это складывание, сопровождалось появлением довольно большого количества разнообразных экстремистски настроенных групп, идентифицировавших себя по национальному признаку и в которых националистический идеологический элемент занимал важнейшее место. Недовольство исторически сложившейся системой сосуществования различных народов в России, борьба за равноправие и самоопределение различных национальных групп, против притеснения и ограничений, за определенные преференции и доступ к определенным благам – вот лишь небольшой перечень причин возникновения различных национально окрашенных общественных движений. Однако все вышесказанное применимо в первую очередь к окраинам российской империи. В то же время ряд современных исследователей усматривает элементы национального экстремизма и в культурно-идеологических течениях титульной нации еще задолго до появления русских националистических черносотенных организаций.

Особое внимание в этой связи привлекают идеи поздних славянофилов Н. Я. Данилевского и К. Н. Леонтьева, которые оказали заметное влияние на духовную жизнь определенной части общества. В контексте современного изучения национализма и экстремизма их идеи предстают в новом свете, так как способны были оказать влияние и на радикально настроенную деятельную часть общества, невольно «провоцируя к действиям», о которых сами философы и не помышляли [Колотков, 2015: 48]. В этой связи американский исследователь российской политической истории Стивен Д. Шенфилд, характеризуя взгляды Н. Я. Данилевского, отмечал, что тот был ультранационалистом, милитаристом и империалистом, чьи ультранационалистические взгляды нашли выражение в том, что он презирал как широко распространенное славянофильство, так и западничество. По мнению Шенфилда, Данилевский считал, что «гуманизм» является «бессмысленной идеей, а общечеловеческих ценностей, общей человеческой культуры и общей человеческой истории не может быть» [Shenfield, 2001: 28]. Диссидент А. Л. Янов, специализировавшийся в СССР на изучении славянофильства, сам стоящий на исключительно западных позициях, отмечал, что Данилевский «верил, что большая война между Российско-славянской цивилизацией и Романо-германской цивилизацией Западной Европы неизбежна, и он мечтал о воссоздании Пан-славянской цивилизации, Нео-византийской империи, которая протянется от Арктического океана до Средиземного моря» [Янов, 1995: 141]. Безусловно данная позиция трактует взгляды Данилевского весьма упрощенно, но она наглядно показывает желание автора увидеть в его работах экстремистский подтекст.

Еще одной яркой интеллектуальной фигурой экстремистского типа предстает перед современными прозападными исследователями К. Н. Леонтьев. Как и Данилевский, Леонтьев позиционируется империалистом, националистом, сторонником завоевания Константинополя и создания великой Нео-византийской империи, однако он был более привержен идее создания Пан-православного государственного образования, чем панславянской концепции имперской идентичности. Таким образом, его «экстремизм» имеет более религиозную, нежели националистическую окраску.

Если экстремизм славянофилов, каким бы радикальным его ни представляли современные исследователи, носил чисто теоретический характер, то в ряде окраин Российской империи экстремизм принимал практические формы. Идеи этнорелигиозного экстремизма, по мнению современных авторов, были широко распространены в Южных губерниях России в период «окончания Кавказской войны, точнее по мере распространения на регион действия законодательства Империи» [Бородин, 2006: 81].

Во второй половине XIX века Россия вступает в полосу политической турбулентности, связанную с появлением феномена терроризма. Современный исследователь этого феномена с позиции юридических наук М.Б. Колотков отмечал, что терроризм, «впервые появившись в 1866 году в форме

индивидуального террора», вскоре «приобрел вполне оформленную и понятную идеологию» [Колотков, 2015: 50] В то же время специалист в области истории отечественного революционного терроризма О. Н. Квасов констатирует, что «огромное влияние на укрепление и распространение террористических форм социально-политической борьбы имело национальное движение» [Квасов, 2010: 101].

Отечественные исследователи дореволюционного терроризма отмечают отсутствие в исследуемый период в отечественном законодательстве терминов, характеризующих преступность националистического толка и, соответственно, уголовных санкций. Между тем экстремизм в этот период начинает играть роль «массового и системного явления, серьезно угрожающего национальной безопасности» [Кагерманов, 2014: 47]. Принято считать, что терроризм зародился как революционная реакция на нежелание правительства идти на демократические уступки и действовал исключительно в центральной России. Однако в противовес данной позиции в настоящее время обращается внимание на то обстоятельство, что «пионером организованного террористического движения» выступили отнюдь не центр Российской империи (Москва, Петербург), а окраины с сильным оппозиционным общественным элементом – Малороссия (Украина) и юг России. А одним из крупнейших центров террористического движения на окраинах называется Киев [Маньков, 2018: 90].

Крупным очагом терроризма и экстремизма на Кавказе была Армения и прилегающие к ней территории. Здесь с 1890 г. активизировалась армянская революционно-террористическая партия «Дашнакцутюн», настойчиво проводившая свою политическую экстремистскую линию. Если первоначально террористические акты совершались этой партией только на территории Османской империи, то вскоре ее террористическая деятельность распространилась и на территорию Кавказа, принадлежащую Российской империи. Первоначально боевики армянской партии грабили богатых и присваивали их имущество, но затем они начали террор против администрации Российской империи. Исследователь российского революционного терроризма О.Н. Квасов отмечает, что «Именно «Дашнакцутюн» первой в Российской империи создала специализированные структурные подразделения партийного террора, в которых распределялись функции и фиксировались полномочия» [Квасов, 2010: 99].

Другим «беспокойным» регионом Российской империи была Польша, в которой постоянно возникали антиправительственные экстремистские группы, прибегавшие к крайним методам ведения политической борьбы – к экстремизму и терроризму. Террористические акты на территории Польши на пороге XX века можно рассматривать как устойчивую тенденцию. Эти процессы проходили под покровительством Австро-Венгерской империи, «лояльно относящейся, а в дальнейшем оказывающей всевозможную поддержку наиболее непримиримым организациям поляков» [Квасов, 2010: 99].

Немалый вклад в историю отечественного экстремизма и терроризма, разработку ее идеологии внесли евреи, которые в конце XIX в. испытывали, с одной стороны, жесткий гнет со стороны российского законодательства, с другой стороны, начинается стремительный процесс культурной эмансипации еврейского общества в России. Рушились патриархальные еврейские устои, толкавшие молодое поколение к активной общественной жизни, причем на этом пути молодые евреи попали в жесткие тиски отечественного законодательства и общественных национальных предубеждений против евреев. Еврейские погромы в эпоху императора Александра III входят в обиход отечественной общественной жизни. Ответные протесты еврейской молодежи в скором времени выливаются в экстремистские действия, в открытый террор против существующей власти.

Описанные выше явления «укрепили и утвердили русский национализм как контрреволюционное и верноподданническое движение» [Кагерманов, 2014: 47]. Возникшие лишь в ходе первой русской революции черносотенные организации выступали не столько против той или иной национальности, сколько против антигосударственных подрывных действий «инородцев». Они стремились объединить титульную нацию перед лицом революционной угрозы и боролись за интересы этой нации.

Таким образом, национальные движения на окраинах Российской империи, как правило, проявляли «левый» экстремизм, в то время как в центре страны русские националисты исповедовали «правый» экстремизм. В последнем случае мы наблюдаем парадоксальное явление, когда ради сохранения законности правые экстремисты вынуждены были зачастую эту законность попирают. Примерами тому служат как пресловутые еврейские погромы, так и выступление против Государственной Думы, хотя она была учреждена законным порядком. Элементы экстремизма в практике русских правых партий периода думской монархии и привели, в конечном счете, к расколу в их рядах, так как часть русских националистов осознавала, что любой вид экстремизма влечет за собой угрозу стабильности государственной жизни.

Все указанные нами выше примеры проявления экстремизма привели в настоящее время бывшего министра внутренних дел Республики Ингушетия М. У. Медова к выводу о том, что «в конце XIX – начале XX вв. в России была развязана самая настоящая террористическая война», составляющими которой были как террористические действия «радиальных политических групп и движений» в центре Российской империи, так и межэтнические конфликты и этнорелигиозный экстремизм на окраинах [Медов, 2014: 30].

Исследователь истории терроризма с социологических позиций Д. Г. Лощаков обращает внимание на распространенную практику некоторых Европейских держав в период обострения империалистических противоречий использовать экстремистские организации националистического типа в сугубо личных политических целях: «В период первой мировой войны Германия спонсировала ирландских сепаратистов, Австро-Венгрия – польских и

грузинских националистов, а Россия – боевиков партии «Дашнакцутюн» в Турции» [Лощаков, 2014: 25]. Мы полагаем, что данное утверждение вполне справедливо и применительно к исследуемому нами периоду. Более того, данная тенденция сохраняется, как мы видим, и в современных международных отношениях, что особо актуализирует вопросы урегулирования внутригосударственных межнациональных отношений.

Список литературы

- Бородин, 2006 – *Бородин В. В., Дондоков Ц.С., Михайлова О.Г.* Исторические и социальные аспекты политического экстремизма // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2006. № 1 (29). С. 79 – 85.
- Кагерманов, 2014 – *Кагерманов А. С., Бидова Б. Б.* Идеологические направления российского экстремизма конца XIX – начала XX вв. // Армия и общество. 2014. № 2 (39). С. 45 – 48.
- Квасов, 2010 – *Квасов О. Н.* Развитие террористических тенденций в Российском революционном движении начала XX вв. // Известия вузов. Северокавказский регион. Общественные науки. 2010. № 5. С. 98 – 101.
- Колотков, 2015 – *Колотков М. Б.* Идеология терроризма в дореволюционной России: теоретико-правовой анализ // Философия права. 2015. № 5 (72). С. 48 – 51.
- Лощаков, 2014 – *Лощаков Д. Г.* Исторические разновидности террора и терроризма и их особенности // Вестник Московского университета МВД России. 2014. № 9. С. 21 – 25.
- Маньков, 2018 – *Маньков А. В.* Терроризм в России: исторические аспекты // Вестник Чувашского университета. 2018. № 4. С. 84 – 98.
- Медов, 2014 – *Медов М. У.* Терроризм: исторический путь и подлинная природа // Вестник Академии экономической безопасности МВД России. 2014. № 3. С. 28 – 32.
- Янов, 1995. – *Янов А. Л.* После Ельцина. Веймарская Россия? М.: Крук, 1995. 316 с.
- Shenfield, 2001 – *Shenfield S. D.* Russian Fascism: Traditions, Tendencies, Movements. M.E. Sharpe, 2001. 336 p.

References

- Borodin, 2006 – *Borodin V. V., Dondokov Cz.S., Mixajlova O.G.* Istoricheskie i social`ny`e aspekty` politicheskogo e`kstremizma // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii. 2006. № 1 (29). S. 79 – 85.
- Kagermanov, 2014 – *Kagermanov A. S., Bidova B. B.* Ideologicheskie napravleniya rossijskogo e`kstremizma koncza XIX – nachala XX vv. // Armiya i obshhestvo. 2014. № 2 (39). S. 45 – 48.

- Kvasov, 2010 – *Kvasov O. N.* Razvitie terroristicheskix tendencij v Rossijskom revolyucionnom dvizhenii nachala XX vv. // *Izvestiya vuzov. Severokavkazskij region. Obshhestvenny`e nauki.* 2010. № 5. S. 98 – 101.
- Kolotkov, 2015 – *Kolotkov M. B.* Ideologiya terrorizma v dorevolyucionnoj Rossii: teoretiko-pravovoj analiz // *Filosofiya prava.* 2015. № 5 (72). S. 48 – 51.
- Loshhakov, 2014 – *Loshhakov D. G.* Istoricheskie raznovidnosti terrora i terrorizma i ix osobennosti // *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii.* 2014. № 9. S. 21 – 25.
- Man`kov, 2018 – *Man`kov A. V.* Terrorizm v Rossii: istoricheskie aspekty` // *Vestnik Chuvashskogo universiteta.* 2018. № 4. S. 84 – 98.
- Medov, 2014 – *Medov M. U.* Terrorizm: istoricheskij put` i podlinnaya priroda // *Vestnik Akademii e`konomicheskoy bezopasnosti MVD Rossii.* 2014. № 3. S. 28 – 32.
- Yanov, 1995. – *Yanov A. L.* Posle El`cina. Vejmarskaya Rossiya? M.: Kruk, 1995. 316 s.
- Shenfield, 2001 – *Shenfield S. D.* Russian Fascism: Traditions, Tendencies, Movements. M.E. Sharpe, 2001. 336 p.